

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе
(Йельский университет, США)

В феврале 1952 года известный советский кинорежиссер Сергей Юткевич выпустил свой первый цветной фильм, повествующий о путешествиях русского исследователя XIX века Николая Михайловича Пржевальского в сердце Центральной Азии. Кратко названная «Пржевальский», эта приключенческая кинолента рассказывала о подвигах героя, о его борьбе не только с суровой природой, но и с кознями таких врагов, как реакционные географы, коварные маньчжурские чиновники и тайный агент Дизраэли м-р Симон. Кинозрители могли вдоволь налюбоваться картинами экзотической жизни дикой природы, караванов в пустыне, монгольских юрт, ястребиной охоты и классического китайского театра. Естественно, путешественник был представлен большим другом простых людей, борцом против угнетения китайских и корейских крестьян, где бы он ни путешествовал [1].

В своих мемуарах Юткевич вспоминает, что когда он впервые приехал в Пекин со своей съемочной группой, чтобы отснять некоторые части фильма, он встретил серьезные возражения китайских властей по поводу самой темы картины. Китайские представители не видели в Пржевальском великого гуманиста, путешествовавшего по Центральной Азии ради укрепления дружбы между народами России и Китая. Для них этот исследователь, бывший также офицером русского Генерального штаба, представлял собой только шпиона и врага Китая. Лишь после вмешательства советского посла, обратившегося прямо к Лю Шаоци, секретарю ЦК китайской компартии, было разрешено продолжить съемки фильма [2].

Вопреки кремлевской дипломатии, китайцы имели довольно точное представление о роли этого исследователя и его идеях. Четыре путешествия Пржевальского в Центральную Азию в 1870-80 гг. финансировало Императорское Русское Географическое общество, однако сам

он был офицером, непосредственно подчиненным Главному штабу, одно из подразделений которого занималось военной разведкой. Описания Пржевальским его путешествий, хотя они широко рассматривались как вклад в географию, служили также разведывательными отчетами для возможной военной кампании в пределы Китая в период повышенной напряженности в отношениях между империей Романовых и Цинской династией [3].

Чиновники в Пекине, возражавшие против съемок фильма Юткевича, были вполне точны, когда характеризовали Пржевальского как врага их нации. Даже самое беглое чтение книг этого исследователя обнаруживает его глубоко неуважительное отношение к Китаю и его народу. Говоря точнее, в вопросе русской политики относительно Поднебесной империи Пржевальский был откровенным «ястребом». Когда военный министр в 1887 году призвал его участвовать в особом комитете по изучению китайско-русских отношений, этот офицер выступал за военное присоединение Синьцзяна, Монголии и Тибета.

Агрессивные чувства Пржевальского не разделялись многими его соотечественниками. Однако его книги в конце прошлого столетия много сделали для популяризации идеи об особой судьбе России в Азии. Они также дают блестящий пример русской имперской мысли конца XIX века. В то время, как идеологии британской, французской и немецкой экспансии в Африке после 1880 г. уделялось много внимания, взгляды царской России на «схватку за Азию» исследовались мало. Еще меньше известно об усилиях русской армии по сбору разведывательных данных в землях за азиатскими границами в эпоху Большой Игры.

Многие биографы изучали вклад Пржевальского в науку по документам в архиве Русского Географического общества в Санкт-Петербурге, но практически никто не рассматривал подробно его роль как офицера, активно участвовавшего в военной разведке Центральной Азии. Последнее требует просмотра соответствующих фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), учреждения, вплоть до недавнего времени малодоступного для ученых.

По этим причинам данная статья будет посвящена менее известным сторонам жизни прославленного исследователя. Вкратце обрисовав его карьеру и дипломатическую обстановку тех лет, мы рассмотрим разведывательную работу Пржевальского как офицера Главного штаба. Затем, сосредоточив внимание на его записке, призывающей к завоеванию китайской Центральной Азии, дадим описание взглядов Пржевальского на Восток.

Каждый русский школьник знает о жизни великого исследователя Центральной Азии Николая Пржевальского гораздо больше, чем его

британский сверстник может рассказать о Давиде Ливингстоне* [4]. Николай Михайлович родился в семье небогатого помещика Смоленской губернии в 1839 году. Судя по фамилии, Пржевальские были по происхождению поляками, присягнувшими Романовской династии и принявшими православие, когда эти места перешли под русское правление в царствование Екатерины Великой [5]. После идиллического детства, которое, как кажется, прошло большей частью в прогулках, играх и обучении охоте в лесах вокруг имения его родителей, подросток был отправлен в гимназию в Смоленск, а затем поступил на военную службу вольноопределяющимся.

Скучная жизнь младшего офицера в провинциальном гарнизоне тяготила Николая Михайловича, и в 1861 году он приложил все силы, чтобы избавиться от нее, сдав вступительные экзамены в Николаевскую Академию генерального штаба в Санкт-Петербурге. Несмотря на некоторую юношескую политическую неосторожность, Пржевальский показал себя отличным студентом, и его выпускная работа о недавно присоединенной Амурской области на Тихом океане привлекла внимание Географического общества. Через несколько лет ему удалось убедить вице-президента Общества Петра Семенова-Тян-Шанского позволить ему осуществить соответствующую топографическую съемку новых владений империи по рекам Амуру и Уссури в Восточной Сибири. С июня 1867 года по весну 1869 года лейтенант Пржевальский, путешествуя в сопровождении двух помощников и пойнтера, нанес на карту область размером больше Британии. Экспедиция блестяще доказала талант этого офицера как исследователя, а ее успешное завершение принесло ему чин штабс-капитана и серебряную медаль Географического общества [6]. Но для Николая Михайловича это путешествие было не более чем тренировкой, ибо его подлинные интересы вели к необъятной не нанесенной на карту территории, отделявшей азиатскую Россию от более населенной восточной части китайской империи.

Центральная Азия, область, охватывающая Синьцзян, Монголию и Тибет, была в 1870 году большей частью terra incognita на европейских картах. Лишь несколько европейцев пересекли ее по дороге в Тибет за последние две сотни лет, но, вскоре после путешествий французских священников-лазаристов Гюка и Габе в 1846 году, гималайская теократия наложила запрет на все контакты с иностранцами [7]. Синьцзян,

* Дэвид Ливингстон (1813-1873), знаменитый британский путешественник, исследователь Центральной Африки.

известный современникам как Восточный Туркестан, и Монголия были еще более загадочны. Венецианец 13-го века Марко Поло был, по сути дела, единственным европейцем, видевшим большую часть этих земель. Как писал один ученый, в то время Центральная Азия «была областью, о которой известно меньше, чем о... черной Африке» [8].

«Западные области», как Центральная Азия именовалась китайцами, только недавно были включены в состав Поднебесной. У трех великих цинских императоров, Канси, Юнчжена и Цяньлуна, покорение этого района заняло почти целое столетие и завершилось лишь в 1759 году. Однако власть Пекина была непрочна и к середине XIX века стала ослабевать. Злополучная Опиумная война с Великобританией в начале 40-х гг. XIX в. и Тайпинское восстание, разразившееся десятью годами позднее, ясно показали, что маньчжуры вступили в неизбежную стадию династического упадка. Тем временем, крупное восстание различных мусульманских народностей, к 60-м гг. XIX в. охватившее значительную часть Синьцзяна и Южной Монголии, еще больше ослабило императорскую власть над Западными областями.

Петербург не был безучастным наблюдателем трудностей Среднего царства. В течение долгого времени после Нерчинского договора 1689 года протяженная граница с Китаем оставалась относительно спокойной. Но, когда Англия и другие державы начали в 40-х гг. XIX в. посягать на владения цинской династии, Россия также заявила о своих притязаниях и к 1860 году аннексировала Амурскую и Уссурийскую области на Тихом океане. Неудачи Петербурга в Европе во время Крымской войны вместе с растущей непрочностью маньчжурской династии только подогревали царские аппетиты к любым лакомым территориальным кусочкам, которые могли быть захвачены на Востоке [9]. В то же время блестящие победы Черняева и фон Кауфмана в Туркестане, казалось, подтвердили легкость завоевания Азиатского континента [10].

Территория в центре Азии в то время имела огромное значение для петербургских стратегов и по другой причине. В те годы Россия и Англия были вовлечены в некую викторианскую холодную войну на Востоке, известную читателям Киплинга как Большая Игра. Игровое поле лежало между русскими владениями за Уралом на севере и Британской Индией на юге. Включая также Персию и Афганистан, соперничество сверхдержав затрагивало также и ненанесенную на карту западную периферию китайской империи: Синьцзян, Монголию и Тибет [11].

Большая Игра совпала с важными изменениями, происходившими в характере военной разведки, которые канадский ученый Весли Уарк

Д.Схиммельпенник ван дер Ойе. Неизвестный Пржевальский

Н.М.Пржевальский
Архив Музея-квартиры П.К.Козлова

называет «революцией в разведке». Эти изменения были результатом процесса эволюции русской военной мысли, начавшегося с наполеоновскими войнами. До этой первой Великой Отечественной войны добывание данных о противнике выполнялось, главным образом, отдельными агентами. Во время войны или напряженных отношений военный министр мог посылать собственных офицеров для сбора данных, непосредственно важных для военных целей.

Одним из наиболее ценных уроков, извлеченных из наполеоновских войн, была необходимость выйти за пределы агентурной разведки. Большой интерес к применению научных принципов ведения войны убедил стратегов в важности изучения топографии и сил противника как необходимого компонента подготовки к сражению. Конечно же, с библейских времен хорошие генералы ставили себе задачей изучение характера местности и засылку к врагу разведчиков. Но теперь такие задачи становились формальными академическими дисциплинами, и к 30-м гг. XIX в. военная статистика и военная география стали частью учебных программ штабных школ [12].

Самым деятельным сторонником этого нового подхода к разведке был профессор Николаевской Академии Д.А.Милютин. В итоге он стал одной из ведущих фигур Великих реформ Александра II, а одним из ранних милютинских нововведений было усиление изучения географии в Академии Генерального штаба и в армии в целом. Он писал в 1846 году: «Это никогда не было яснее, чем сейчас: чтобы успешно вести войну, у нас должны быть фундаментальные сведения о том, где мы будем бороться, с информацией о средствах, и другая статистика, касающаяся этого региона, а также то, что касается материальных и моральных ресурсов воюющих сторон» [13].

Годом раньше, в 1845 году было основано Императорское Русское географическое общество под покровительством одного из Великих князей. Его первым вице-президентом стал контр-адмирал Федор Петрович Литке. Литке был не единственным военным, участвовавшим в этом новом учреждении. Другими членами-основателями были генерал-адъютант Ф.Ф.Берг, генерал-майор М.П.Вронченко, и сам Милютин много лет работал в совете Общества. Такая большая концентрация военных среди главных членов Географического общества не являлась случайной, ибо интересы географов и военных часто совпадали. Нигде это не было столь очевидно, как в Центральной Азии. По точному замечанию одного американца, «талантливые члены <Императорского Географического общества> участвовали в Большой Игре в Центральной Азии» [14].

Поэтому, когда способный офицер, доказавший на практике свое знание топографии, предложил осуществить съемку границ Центральной Азии, как Географическое общество, так и военное министерство поддержали его проект. Семенов-Тянь-Шанский и военный министр Д.А.Милютин незамедлительно дали свое согласие. В 1870 году, спустя немногим более года по возвращении из Тихоокеанских областей, Пржевальский снова отправляется в путь, на этот раз в Монголию и северный Тибет.

За период около двух лет Николай Михайлович в сопровождении нескольких казаков, помощника и своего верного сеттера Фауста проехал на верблюдах из Пекина через Монголию до Куку-Нора, в конце пути достиг северного Тибета и вернулся в Иркутск через монгольскую столицу Ургу, пройдя более 11000 верст [15]. Первая центральноазиатская экспедиция исследователя дала богатый урожай географических открытий о регионе, большем, чем Западная Европа, а зоологи и ботаники в Академии Наук в Петербурге стали счастливыми обладателями 130 шкур животных, 1000 птиц, 70 образцов рептилий, 3000 насекомых и 4000 засушенных растений.

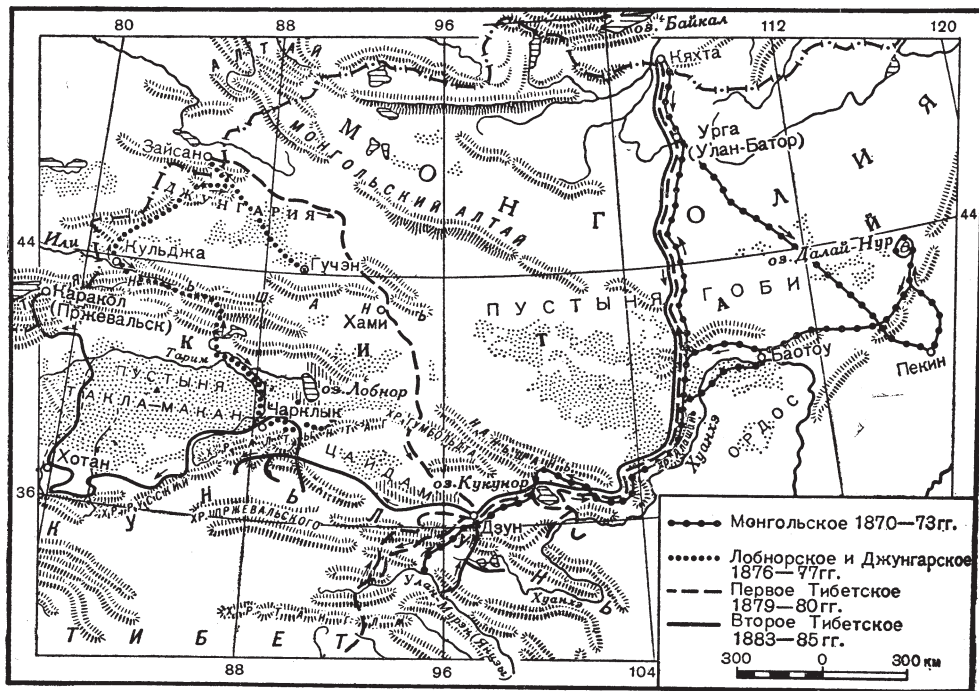
В то же время путешествие Пржевальского позволило получить также ценные сведения о крупном восстании вблизи азиатских границ России. Эти сведения были, очевидно, высоко оценены начальством Пржевальского, т.к. вскоре он получил чин подполковника и был награжден орденом Св.Владимира 3-ей степени. Испрашивая ежегодный оклад в 600 рублей для награждения Пржевальского, граф Гейден, начальник Главного Штаба, писал министру финансов: «В 1870 году, по ходатайству Имп. Русского Географического Общества, поддержанному и Военным Министерством, был командирован, с высочайшего государя императора соизволения, Генштаба капитан Пржевальский, для собрания новых сведений об этой стране <о Китае> в географическом, этнографическом и естественно-историческом отношениях, и для важного для нас разъяснения характера событий и восстаний, происходящих в северном Китае, в среде мусульманского (дунганского) населения, о котором до нас доходят лишь неопределенные и часто противоречивые слухи» [16].

Вторая центральноазиатская экспедиция Пржевальского преследовала куда более определенные разведывательные цели, так как большая часть Восточного Туркестана все еще была охвачена восстанием, и армия нуждалась в сведениях о вожде восстания, Якуб-беке [17]. Еще один офицер Главного Штаба, А.Н.Куропаткин, был послан для переговоров с предводителем восставших [18]. Однако Пржевальский также встречался

с Якуб-беком. После свидания с ним он послал графу Гейдену подробный отчет [19]. В статье Пржевальского под заглавием «О текущем положении в Восточном Туркестане» дается весьма негативный портрет Якуб-бека и предсказывается, что его правление не будет слишком долгим: «Кашгарский царь не больше как политический проходимец. Подобные личности не редкость в Азии. Временные их успехи на политическом поприще свидетельствуют всего чаще не о личных талантах самих деятелей, а скорее о невежестве массы, которую они эксплуатируют. При удаче, разбойник может несколько лет властвовать над рабским и невежественным населением, но подобное царство, сплоченное случайно, без всякой внутренней жизни, неминуемо падет в близком будущем» [20]. Пржевальский добавляет, что в противоположность китайцам и войскам Якуб-бека, русские приветствуются туземным населением: «Местные жители, в разговорах с нашими переводчиками-казаками, постоянно проклинали свое правительство и высказывали желание подчиниться России. Слух об умиротворении нашими Коканда и Кульджи прошел далеко; дикий Азияец начал понимать, что власть Русская есть залог спокойствия и благоденствия» [21]. Пржевальский советовал использовать все преимущество ситуации и, заключив соглашение с вождем восставших, присоединить эту территорию: «Для России настоящее время есть наиболее благоприятное, чтобы возможно <лучше> обставить свои отношения к Восточному Туркестану. На всякое наше требование Якуб-бек теперь непременно согласится» [22]. Однако, советами полковника не удалось воспользоваться. Вскоре после этого путешествия Пржевальского Якуб-бек умер, вероятно, от апоплексического удара, а его восставшее царство быстро пало перед китайскими войсками.

В 1878 году Пржевальский предложил экспедицию в Тибет. В его докладной записке Генштабу о новом путешествии перечисляется много научных задач. Путешественник также ставил перед собой немало и военных целей. В это время Тибет был недоступен для европейцев. Но таинственное царство лежало как раз к северу от Британской Индии, и в Петербурге опасались, что Лхаса тоже может перейти под британское правление. Как указывал Пржевальский в своей записке: «Притом, научные исследования... будут маскировать политические цели экспедиции и отклонят всякие подозрения наших недругов» [23].

Куропаткин, в то время глава Азиатского отдела Главного штаба и непосредственный начальник Пржевальского, подтвердил в докладе императору заинтересованность армии в такой разведке: «Целью исследования будет Тибет. Помимо научных изысканий, предполагается

Маршруты экспедиций Н.М.Пржевальского

произвести... разведки относительно политического строя Тибета, его отношения к своим соседям, наконец, возможности завязать и упрочить наши сношения с Далай Ламою. Политика в этом направлении, даже при малой удаче, может открыть путь нашему влиянию через всю Внутреннюю Азию, вплоть до Гималая» [24].

Пржевальский понимал, что ему как европейцу будет трудно добиться доверия у тибетцев, неприязненно относящихся к иностранцам. Поэтому он предложил, чтобы в то же время, когда он отправится в Тибет, один или двое лам были посланы консулом из Монголии, из Урги в Лхасу [25]. Идея посылки кого-либо под видом паломника в Тибет едва ли была оригинальна. Калькутта активно засылала подготовленных индийских разведчиков, именуемых «пандитами» или «учеными», для сбора информации об этой скрытой от мира теократии [26].

Русскому консулу в монгольской столице, Урге [27], Якову Шишмареву было должным образом приказано отыскать подходящего кандидата [28], и один лама был послан в Лхасу в марте следующего года [29]. Что случилось с этим монахом, неизвестно, но он не смог

встретиться с Пржевальским в тибетской столице. К великому разочарованию исследователя, в Нагчу, менее чем в 250 верстах от Поталы, эмиссары Далай Ламы вынудили его экспедицию повернуть обратно [30].

Однако Пржевальскому удалось собрать сведения о китайской армии. В телеграмме, посланной из Урги, он предупреждает графа Гейдена о том, что китайцы планируют нападение на область Или, которая тогда временно находилась в руках русских [31]. Николай Михайлович был не слишком огорчен таким развитием событий. Как он писал одному из своих друзей: «Насчет возможной войны с Китаем я желаю только одного, чтобы эта война действительно случилась» [32].

И снова результаты экспедиции более чем удовлетворили ее организаторов, и через три года после возвращения, в 1883 году Пржевальский получил разрешение организовать новую экспедицию в Тибет. Несмотря на щедрое армейское финансирование и снаряжение [33], отряду Николая Михайловича снова не пришлось достигнуть Лхасы. Тем не менее исследователь вернулся в Россию с еще более ценными научными открытиями, и царь немедленно произвел его в чин генерал-майора, как только он прибыл в Петербург в январе 1886 года [34].

Спустя два года, в 1888 году путешественник отправился еще в одну экспедицию «посмотреть теперь на Далай Ламу» [35]. И снова миссия преследовала двойную цель. Как Николай Михайлович писал Петру Ванновскому, военному министру Александра III: «Помимо научных его результатов, вероятно, можно будет собрать сведения относительно нынешних действий Англичан через Сикким к Тибету» [36]. Ванновский соглашается: «Военное Министерство считает нравственной своей обязанностью оказать и со своей стороны возможное содействие ученому предприятию Генерала Пржевальского, тем более, что проектированная им экспедиция... имеет и специально-военный <аспект> в смысле изучения путей, могущих иметь значение в случае борьбы с Китаем, и настроения Тибетцев в виду стремления Англичан проникнуть в их страну через Сикким» [37].

Пржевальскому не удалось уйти далеко. Еще находясь на русской земле, возле Иссык-Куля, у подножия Тянь-Шаня, путешественник заразился тифом и 1 ноября н.с. 1888 года после короткой болезни скончался. Городок, где он умер, был переименован в Пржевальск.

В мае 1886 года, когда Пржевальский отдыхал в своем имении после четвертой центральноазиатской экспедиции, он был назначен членом особого военного комитета, заседавшего в Петербурге для обсу-

дения проблем, связанных с Китаем. Мнение исследователя было выражено в «Очерке современного положения Центральной Азии», который впоследствии вошел как заключительная глава в его последнюю книгу [38]. Любопытно, что в советском переиздании этой книги, опубликованной в 1948 году, во время тесных отношений с китайской Компартией Мао Цзедунa, эта глава была опущена [39].

Этот «Очерк», поражающий читателя своей резкостью, содержит четкое изложение мыслей Пржевальского о Поднебесной империи. Николай Михайлович исчерпывающе перечисляет многочисленные недостатки Китая и его армии. Во многих отношениях легко просматривается аналогия с другой, также клонящейся к упадку, Восточной империей, и автор продолжает предсказывать, что Цинское государство «весьма вероятно, может однажды стать для Европы новым “больным”» [40].

Пржевальский также критиковал русскую политику за ее чрезмерную пассивность: «Начиная с первого нашего посольства в Китай в 1653 году... все наши отношения к Срединной Империи зиждутся на сохранении столь восхваляемой двухсотлетней дружбы, в сущности же на нашем двухвековом заискивании пред Китаем» [41]. Как и с Османской Турцией, единственной логичной политикой Пржевальский считает организацию завоевательной войны, в данном случае в Центральной Азии, так как «...положение китайцев, как в Монголии, так и, в особенности, в Восточном Туркестане, весьма шаткое» [42].

Пржевальский не видит иной альтернативы, кроме военных действий: «Как ни дурна война сама по себе, но худой мир также не сладок: это испытывает вся Европа» [43]. Отвергая любые возможные возражения против аннексии территории суверенного государства, генерал цитирует юриста Федора Мартенса, писавшего о Китае, что «Международное право не может быть приложимо в сношениях с полудикими народами» [44].

Очерк Пржевальского хорошо представляет его взгляды на Китай. Будучи географом Николай Михайлович, прежде всего был военным, и принадлежность к этому сословию сильно окрашивала его взгляды на те области, которые он исследовал. Николай Михайлович был империалистом в классической европейской традиции XIX века. Ему виделось, что китайская Центральная Азия представляла собой не просто неведомую землю, ожидающую открытия для науки, но новую территорию, которая должна быть завоевана во славу России. Уже в 1873 году Пржевальский написал другу: «Здесь можно проникнуть... с деньгами в кармане, со штуцером в одной руке и с ногойкою в другой... С ними должны идти

сюда европейцы и снести, во имя цивилизации, всех этих подонков человеческого рода. Тысячи наших солдат достаточно, чтобы покорить всю Азию от Байкала до Гималая... Здесь можно повторить подвиги Кортеса» [45].

Во время Турецкой войны 1877-78 гг. многие русские верили, что этот конфликт вполне оправдан желанием христиан, живущих в оттоманской Европе, перейти под власть Романовых. Любопытным образом обращая панславизм в сторону Востока, Пржевальский доказывает, что то же самое справедливо и для жителей Центральной Азии: «Номады-монголы, дунганы... и жители Восточного Туркестана... питают сильную надежду сделаться подданными Белого Царя, имя которого наравне с именем Далай Ламы, является в глазах азиатских масс в ореоле чарующего могущества» [46].

Далее в очерке он пишет: «Посреди этого безотрадного хаоса в настоящем и будущем пробивается для злосчастных страдальцев светлый луч надежды на Россию» [47]. Причина популярности его отечества проста: «Невыносимы гнет китайской власти, с одной стороны, а с другой — постоянные слухи о гуманном обращении с инородцами наших азиатских окраин, вот, что создало нам доброе имя в глубине азиатских пустынь» [48].

В XIX веке русские востоковеды пользовались высокой репутацией благодаря своей большой учености и глубокому уважению к цивилизациям Азии, которые они изучали. Пржевальский не разделял их чувств [49]. Как указывал Всеволод Роборовский, его товарищ по нескольким экспедициям: «К китайцам Николай Михайлович не мог относиться дружелюбно, его возмущала их лживость и притворство... он старался избегать всякой встречи с ними и говорил, что от них не увидишь ничего, кроме неприятностей» [50].

Пржевальский так вспоминал свой первый визит в Пекин, где он останавливался на пути в Монголию в 1871 году: «Скажу откровенно, что на меня лично произвела крайне неприятное впечатление столица. Да и едва ли может понравиться свежему человеку город, в котором помойные ямы и толпы голых нищих составляют необходимую принадлежность самых лучших улиц» [51].

В письме к одному другу он жаловался: «Мошенничество и плутовство развито до крайних пределов... Вообще, здешний китаец — это жид плюс московский мазурик, и оба в квадрате» [52].

Даже еда была невкусна: «Не знаю, как другим по вкусу приходится китайская кухня... но для нас китайские яства в гостиницах казались отвратительными... Сами китайцы не брезгают никакою гадостью, и некоторые из них едят даже собак» [53].

Для Николая Михайловича величайшим недостатком восточного человека было полное отсутствие у него моральных принципов. Как он писал в рассказе о четвертой экспедиции в Центральную Азию: «В основе характера этот человек — эгоист через край; свое «я» у него всегда на первом плане; высшие чувства чести, долга, нравственности здесь неизвестны; наоборот, лицемерие и хитрость считаются лучшими достоинствами человека» [54].

Временами кажется, что мысли Пржевальского взяты прямо из сочинений графа де Гобино.* Например, генерал решительно против смешения народов: «Находясь в постоянном соприкосновении с китайцами, сахара утратили, в настоящее время, не только характер, но даже и тип чистокровных монголов. Оставив от своего прошлого всю монгольскую лень, они переняли от китайцев одни лишь дурные черты их характера, а потому являются вырожденками...» [55]. Путешественник будто берет следующий пассаж из де Гобино, ликуя после победы в короткой схватке: «Такая обаятельная сила европейца, среди нравственно растлевающего азиатского люда!.. это была победа европейского духа, его энергии и отваги, всемогущих даже и в таких делах, успех которых является в каком-то сказочном образе...» [56].

Как и многими его современниками в Западной Европе, Пржевальским также движет сильное чувство миссии цивилизатора. Так, он писал в своих заметках: «Наше правление в Китае принесет сюда лучшую жизнь» [57]. В докладе во время путешествия в Синьцзян в 1877 году Николай Михайлович выражает те же чувства более по-военному: «Штуцерная пуля и нарезная пушка приносят здесь те зачатки цивилизации, которые иным путем, вероятно, еще долго не попали бы в окаменевший строй Средне-Азиатских ханств» [58].

Что касается культуры Среднего царства, то исследователь дает ей не слишком высокую оценку. Семенов-Тянь-Шанский вспоминал, что «упрекали Н.М.Пржевальского и в пренебрежении... к китайской цивилизации» [59]. Сам Пржевальский был «убежден в загнивающем состоянии Китая», презрительно высказываясь о тех, кто имел более положительные взгляды: «...только полное неведение европейцев об этих странах может приписывать им какую бы то ни было долю славы и могущества» [60]. Или напрямик говорил, что китайский народ отжил свое [61].

Ярким указанием на упадок Поднебесной было плачевное состояние ее армии. Когда бы Пржевальский ни встречал китайские войска, он

* Граф Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882), французский социолог и писатель, один из основателей идеологии расизма.

непременно отмечал их негативные качества: их командиры нечестны, ленивы и курят опиум. Он замечает, что офицеры «не имеют никакого образования, в большинстве случаев круглые невежды, но притом... они способны только растлевать, а не улучшать нравственную сторону своих подчиненных» [62]. По наблюдениям Николая Михайловича, солдаты не лучше офицеров: «На часах китайский солдат зачастую сидит и пьет чай, или занимается починкою собственной одежды; в жар прохлаждает себя веером... Дисциплина в армии существует лишь в наружном чинопочитании; воровство и взяточничество развиты до ужасающих размеров; понятия о чести и долге неизвестны. Солдаты идут в бой только из страха наказания или с надеждой грабежа» [63].

Все же главным недостатком было отсутствие моральных принципов. В письме Милютину, посланном из китайского гарнизона в Хами в 1879 году, Пржевальский писал: «Маньчжурские солдаты много напоминают наших разгульных деревенских женщин, на которых еще более походят своими неудобоописываемыми привычками» [64]. А несколькими годами раньше он отмечал: «Результатом этого является расслабление, как физическое, так и нравственное, и решительная неспособность солдат переносить труды и лишения военного времени» [65]. Из-за этих недостатков Цинская династия не могла надеяться когда-либо справиться с западными державами и победить. Николай Михайлович никогда не сомневался в том, что маньчжуры не смогут противостоять русской армии. Возвращаясь из своей первой экспедиции в Центральную Азию в 1873 году, он утверждал: «Смелый неприятель, с европейским вооружением, может двинуться в любую часть Срединного государства и заранее рассчитывать на верную победу. О количестве защитников Поднебесной империи ему нечего много заботиться: один волк заставляет бежать тысячное стадо баранов, и таким волком явится каждый европейский солдат относительно китайского воинства» [66].

У начальства Пржевальского хватало здравого смысла игнорировать наиболее крайние заявления путешественника-энтузиаста, и его записка была отправлена в архивы военного министерства [67]. Скорей всего, военный министр Ванновский щадил чувства царя. На телеграмму Пржевальского, посланную из Караколя и утверждающую, что китайский Туркестан готов подняться против Пекина, Александр III сухо заметил: «Я сомневаюсь в пользе этого присоединения» [68].

В то же время идеи Пржевальского оказывали заметное влияние на русскую образованную публику и помогли обеспечить разумное обоснование русского вмешательства в Китае в будущем. Его книги и статьи

читались повсюду, а на лекциях было многолюдно. Как писал Милютин в своем дневнике: «Ежедневно на нескольких лекциях толпятся слушатели. Женщины особенно стремятся в эти собрания с истинной жаждой знаний... Во всей его фигуре, во всяком слове видна натура энергичная». Другое типичное описание воздействия Пржевальского на более избранные слои русского общества дано В.М.Голицыным в его дневнике: «Обедал в клубе, где угощали знаменитого путешественника и исследователя Пржевальского. Интересно было мне видеть такую личность, так как такие-то личности... как редко у нас!» [69]. Не кто иной, как Чехов написал его некролог, а кроме того и Чехов, и Набоков создали в своих рассказах героев, внешне напоминающих русского путешественника [70].

Русский географ Михаил Вениуков едва ли преувеличивал, когда назвал Пржевальского «самым прославленным путешественником в Азии после Марко Поло» [71].

Одним из августейших почитателей географа был молодой царевич Николай Александрович. Его мать, царица Мария Федоровна, воспользовалась случаем и пригласила Пржевальского читать лекции ее 13-летнему сыну о Центральной Азии.

Любопытство мальчика было возбуждено экзотическими рассказами великого путешественника, и многие годы спустя он сохранил интерес к Азии [72].

Дружба Пржевальского с наследником российского трона дала свои плоды. Как считает один исследователь, она выковала «звено в длинной цепи событий и воздействий, которые увлекли Николая глубоко в Азию и заинтересовали его правлением над некитайскими народами Азии» [73].

Вклад Пржевальского в географию огромен. Пройдя более 30000 верст, его экспедиции собрали сведения о топографии, климате и населении региона, большего, чем Западная Европа. Нам он более всего известен дикой лошастью, открытой им в степях Монголии и носящей его имя: *Equus Przewalskii*. Исследователь очень много сделал для популяризации своих открытий. Его книги и статьи читались повсюду, а лекции пользовались большим успехом. Американский историк Дэниел Бровер написал недавно в журнал «Рашн ревью» о впечатляющем памятнике, сооруженном вскоре после смерти путешественника по частной подписке и поставленном в Александровском саду в Петербурге напротив Адмиралтейства [74].

Но Пржевальский был больше, чем географом. Прежде всего он был военным. Путешествуя по Центральной Азии, он занимался военной разведкой для Главного штаба. Противники России ясно понимали это.

Друг Пржевальского, Михаил Венюков, предостерегал его перед третьей центральноазиатской экспедицией: «Мне едва ли нужно прибавить, что... англичане едва ли дружелюбно будут относиться к Вам» [75].

Деятельность Николая Михайловича — хороший пример того, как география, среди других наук, служила военным в России девятнадцатого века. Двойственный характер трудов Пржевальского хорошо сформулирован в письме путешественнику русского консула в Кашгаре Николая Петровского: «Путешествия Ваши по Азии... важны столько же для науки, сколько, если не более, для государства и его исконной, по отношению к Азии, политики... Этих двух качеств — ученого и патриота, так совершенно соединившихся в одном лице, не имел, сколько мне известно, еще ни один из знаменитых путешественников» [76].

То, что Пржевальский служил двум хозяевам, отражено в административных подробностях его отчетов. Во время своих путешествий он показывал свое отношение к армии, в некоторых случаях одевая генеральские эполеты. Средства поступали как от военного министерства, так и от Географического общества, а отдельные доклады направлялись в обе инстанции [77].

Николая Пржевальского чаще всего сравнивают с Ливингстоном. Однако в своих представлениях о Центральной Азии он больше похож на Скобелева. Рассказы об экспедициях, его доклады военному министерству, переписка — все это рисует его как потенциального конкистадора, но в равной степени и как географа. Было бы удивительно, если бы такие чувства не разделялись некоторыми его русскими современниками. Кроме того, конец XIX века был золотой эпохой европейского империализма, когда великие западные державы соперничали друг с другом за владения в Африке. Как показали многие ученые, эти колониальные амбиции часто опирались на большую поддержку широких слоев населения этих стран. Конечно же, у России не было интересов в Африке. Зато они имелись в Азии.

Наверное, было бы ошибкой утверждать, что Пржевальский являлся типичным представителем русской мысли в 80-х гг. XIX века. Но его наследие оставило глубокий отпечаток в душе нации. Министры его времени проводили осторожную политику по отношению к Поднебесной и игнорировали наиболее шовинистические заявления путешественника. Однако следующее поколение, прочитавшее книги Пржевальского в более впечатлительном возрасте, оказалось гораздо восприимчивее к подобным чувствам. И в 1904 году призыв Пржевальского к вооруженным действиям на Востоке был, наконец, услышан.

* * *

Автор глубоко признателен Совету по общественным наукам и гуманитарным исследованиям Канады, Международному совету по исследованиям и обмену и Фонду Брэдли за финансирование исследования, на котором основана эта статья. Он хотел бы поблагодарить Александра Ивановича Андреевича, Эдуарда Макаровича Мурзаева, Александра Георгиевича Кавтарадзе и Брюса Меннинга за их добрые советы, а также Марию Федоровну Матвееву и Тамару Петровну Матвееву из архива Географического общества, Серафиму Игоревну Варехову из РГИА, Евгению Гавриленкову из Дома-музея Пржевальского и Михаила Рафаиловича Рыженкова из РГИА за их помощь.

Примечания

1. Юткевич Сергей. Пржевальский. М.: Мосфильм, 1952. Подробно о фильме см.: Пржевальский. Заметки о фильме. Под ред. Н.Вагановой. М.: Госкиноиздат, 1952, а также в статье: Михайлов Николай. «Пржевальский» — новый художественный фильм // Правда. 1952. 28 февраля. № 59.
2. Юткевич С.И. Собр. соч. Т.2. М.: Искусство, 1991. С.319. Режиссер не упоминал об этих проблемах в очерке «Замысел и его осуществление», написанном к моменту выхода фильма на экран. (Пржевальский. Заметки... С.25-40). Один остряк утверждал, что китайцы сняли свои возражения после сильного нажима со стороны Сталина, якобы действовавшего из сыновней почтительности. См.: Ю.Борев. Сталиниада. Даугава, 1990. С.49.
3. Bilof Edwin George. The Imperial Russian General Staff and China in the Far East 1880-1888. PhD Thesis: Syracuse University, 1984. P.56.
4. Наиболее полной биографией остается Н.Ф.Дубровин (Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб: Военная типография, 1890). Единственная англоязычная работа: Rayfield Donald. The Dream of Lhasa: The Life of Nikolai Przhevalsky. London: Elek Books Limited, 1976. См. также: Зеленин А.В. Всемирный путешественник. Путешествия Н.М.Пржевальского. В 2-х тт. СПб: П.П.Сойкин, 1900; Козлов П.К. Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии. СПб: Электротипография Н.Я.Стойковой, 1913; Мурзаев Э.М. Н.М.Пржевальский. М.: Географгиз, 1953; Фатеев А.Н. История одного призвания. Прага: Русская Академия, 1945; Гавриленков В.М. Русский путешественник Н.М.Пржевальский. М.: Рабочий, 1989. Подробности о его военной карьере см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400, оп.21, д.1692.
5. Свен Гедин был неточен, когда писал, что путешественник происходил из «старого русского дворянского рода». Hedin S. General Prschewalskij in Innerasien. Leipzig: Brockhaus, 1922. P.9.
6. Полное описание экспедиции см.: Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867-1869 гг. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937.
7. MacGregor John. Tibet, A Chronicle of Exploration. London: Routledge & Kegan Paul, 1970. P.248.
8. См. прим.4. Rayfield. Dream... P.50.
9. Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. Ann Arbor: George Wahr, 1951. P.147.

10. Хорошее исследование китайско-русских отношений того времени содержится в книгах: Immanuel C.Y. *The Ili Crisis*. Oxford: Oxford University Press, 1965. S.C.M.Paine. *Imperial Rivals*. Armonk, NY: M.E.Sharpe, 1996. P.1-173; Voskresenski A.D. *The Sino-Russian St.Petersburg Treaty of 1881*. Commack, NY: Nova Science Publishers, 1996.
11. Лучшим исследованием этого соперничества является книга П.Хопкёрка: Peter Hopkirk. *The Great Game*. London: John Murray, 1990.
12. Bilof. *Imperial Russian*. P.XII См. также Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т.1. М.: IV Управление штаба РККА. 1929. С.1-26. Развитие разведки в Европе в XIX в. описано в книге: Faligot Roger. *Histoire mondiale du renseignement*. Paris: R.Laffont, 1994. V.1.
13. Милютин Д.А. Критическое исследование военной географии и военной статистики. СПб: Военная типография, 1846. С.2.
14. Hauner Milan. *What Is Asia to Us?* London: Routledge, 1992. P.41. Семенов-Тянь-Шанский написал хорошую книгу об истории Русского географического общества по случаю его 50-ой годовщины. См. Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. Т.1-2. СПб: Тип. В.Безобразова, 1895.
15. См. Przhevskii N.M. *Mongolia. The Tangut Country and the Solitudes of Northern Tibet*. London: Sampson, Low, Marston, Searle & Rivington, 1876.
16. Гейден Ф.Л. Докладная записка М.Х.Рейтерну. 20 января 1874 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.368. л.9.
17. Przhevskii N.M. *From Kulja across the Tian Shan to Lob-Nor*. London: Sampson, Low, Marston, Searle & Rivington, 1879.
18. Отчет Куропаткина об этой поездке принес ему золотую медаль Географического общества. См. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны. СПб: ИРГО, 1879. Алексей Николаевич занимал пост военного министра с 1898 по 1904 год.
19. Пржевальский Н.М. Записка в Главный штаб. 6 июня 1877 // Научный архив РГО. Ф.13, оп.1, д.26, л.1-6. Копия этой записки находится в РГВИА. Ф.400, оп.1, д.438, л.132-138.
20. Там же, л.2.
21. Там же, л.2.
22. Там же, л.2.
23. Пржевальский Н.М. Докладная записка от 25 августа 1878 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.3-4.
24. Куропаткин А.Н. Отчет. Ноябрь 1878 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.24.
25. Пржевальский Н.М. Отчет от 16 ноября 1878 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.10.
26. Хорошее описание дано в книге Waller Derek. *The Pundits*. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 1990. См. также отчет одного из таких пандитов-разведчиков Sarat Chandra Das. *Journey to Lhasa and Central Tibet*. London: John Murray, 1902. Классическим романом об этой стороне Большой Игры остается «Ким» Редьярда Киплинга.
27. Ныне Улан-Батор.
28. Гирс Н.К. Секретная телеграмма Я.П.Шишмареву. 9 декабря 1878 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.15.

29. Шишмарев Я.П. Секретная телеграмма Н.К.Гирсу. 23 марта 1879 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.37а.
30. Исследователь описывает это путешествие в книге: Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховье Желтой реки. СПб: ИРГО, 1883.
31. Пржевальский Н.М. Телеграмма Ф.Л.Гейдену. 23 октября 1880 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.302.
32. Пржевальский Н.М. Письмо Кояндеру. 20 мая 1880 // РГВИА. Ф.400, оп.1, д.553, л.289.
33. Ванновский П.С. Отчет от 2 апреля 1883 // РГВИА. Ф.401, оп.4/928, д.36, лл.19-21.
34. Это путешествие описано в книге: Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб: В.С.Валашев, 1888.
35. Rayfield. Dream... P.191.
36. Пржевальский Н.М. Отчет П.С.Ванновскому. 10 марта 1888 // РГВИА. Ф.401, оп.4/928, д.40, л.4.
37. П.С.Ванновский. Отчет от 14 марта 1888 // РГВИА. Ф.401, оп.4/928, д.40, л.11.
38. Пржевальский. От Кяхты... СПб, 1888. С.493-536. См. также его докладную записку «Новые соображения о войне с Китаем» в РГО, ф.13, оп.1, д.43 и в РГИА, ф.971, оп.1, д.181, а также его статью «О возможной войне с Китаем» // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб: Военная типография. 1883. Т.1. С.293-321.
39. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. М.: ОГИЗ, 1948. Редактор советского издания, Э.М.Мурзаев, указал мне на это во время беседы в июле 1993 года.
40. Пржевальский. От Кяхты... СПб, 1888. С.502.
41. Там же. С.530.
42. Там же. С.509.
43. Там же. С.536.
44. Там же. С.536.
45. Дубровин. Пржевальский. С.161.
46. Пржевальский. От Кяхты... С.509.
47. Там же. С.511.
48. Там же. С.510.
49. Там же. С.145. См. также резкое возражение Пржевальского на критику востоковеда С.Георгиевского: Пржевальский Н.М. Ответ на критику о Китае // Новое время. 14 октября 1887. № 4176. С.2.
50. Руборовский В.И. Николай Михайлович Пржевальский // Русская старина. Т.23. Март, 1892. С.655-656.
51. Przhevalskii. Mongolia... V.1. P.91.
52. Rayfield. Dream... P.69.
53. Przhevalskii. Mongolia... V.1. P.43.
54. Пржевальский. От Кяхты... С.495-496.
55. Przhevalskii. Mongolia... V.1. P.32-3.
56. Ibid. V.2. P.100.
57. Пржевальский. Заметки. б.д. // РГО. Ф.13, оп.1, д.55, л.1.
58. Отчет Н.М.Пржевальского в Главный штаб. Июнь 1877 // РГО. Ф.13, оп.1, д.26, л.3.

59. Семенов-Тянь-Шанский. С.545.
60. Przhhevskii. Mongolia... V.2. P.128.
61. Пржевальский. От Кяхты... С.501.
62. Там же. С.516.
63. Пржевальский. Из Зайсана... С.52.
64. Rayfield. Dream... P.124.
65. Przhhevskii. Mongolia... V.2. P.131.
66. Ibid. V.2. P.133.
67. Пржевальский же утверждает, что комитет, во главе с генералом Николаем Обручевым, одобрил этот документ. Пржевальский Н.М. Письмо В.Роборовскому. 6 июня 1886 // РГО. Ф.13, оп.1, д.39, л.16.
68. Ванновский П.С. Письмо Н.К.Гирсу. 5 ноября 1885 // РГВИА. Ф.401, оп.4/928, д.36, л.124.
69. Милютин Дмитрий Алексеевич. Дневник. М.: Библиотека им. В.И.Ленина, 1947. Т.1. С.144. Другое характерное описание воздействия Пржевальского на наиболее просвещенных представителей русского общества дано Владимиром Михайловичем Голицыным в его дневнике, запись от 21 февраля 1881 // Отдел рукописей РНБ. Ф.75. Т. 10. С.484.
70. Его некролог см.: Чехов А.П. Н.М.Пржевальский // Новое время. 26 октября 1888. № 4548. Советский литературовед А.Г.Горнфельд убедительно доказывает, что зоолог фон Корен в чеховском рассказе «Дуэль» и главный герой набоковского «Дара» имеют своим прототипом Пржевальского. См.: Горнфельд А.Г. Пржевальский и Чехов. (Рукопись статьи) // РНБ. Ф.356, кн.10, № 8, лл.1-10; Rayfield. Dream. P.203-204.
71. Венюков М.И. Письмо 3-му Географическому конгрессу. 1881 // РГО. Ф.13, оп.2, д.41, л.16.
72. См., например, письма Пржевальского юному царевичу, написанные во время его четвертого центральноазиатского путешествия. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.601, оп.1, д.1329.
73. Rayfield. Dream. P.151.
74. Brower D. «Imperial Russia and the Orient: The Renown of Nikolai Przhhevsky» in Russian Review. July 1994. № 3. V.53. P.367-382.
75. Венюков М.И. Письмо Н.М.Пржевальскому. 23 апреля 1877 // Архив РГО. Ф.13, оп.2, д.41, л.2.
76. Петровский Н.Ф. Письмо Н.М.Пржевальскому. 15 февраля 1888 // Архив РГО. Ф.13, оп.2, л.6.
77. См., например, Пржевальский Н.М. Докладная записка. 26 февраля 1872 // Архив РГО. Ф.13, оп.3, д.37, лл.1-2; Вышнеградский И.А. Докладная записка Александру III. 8 апреля 1888 // РГИА. Ф.565, оп.14, д.94, лл.208-209; Рыженков М.Р. Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения в XIX — начале XX вв. Канд. дис. Институт востоковедения. 1990. С.139.